

<https://missiya.info/articles/10560>

Белковский С. Дом на площади. [Ч. 1] / Сергей Белковский // Миссия: (журн., г. Челябинск). – 2018. – № 152, август. – URL: <https://missiya.info/articles/10560> (дата обращения: 20.06.26). – Н.В. Тимофеев-Ресовский бывал в гостях у друзей в Доме на площади (г. Челябинск), о чём свидетельствует мемориальная доска: «Здесь часто бывал у своих знакомых Зубр, учёный Н.В. Тимофеев-Ресовский».

МИССИЯ

ДОМ НА ПЛОЩАДИ

ЯВЛЕНИЯ: ГОРОД

ТЕКСТ: СЕРГЕЙ БЕЛКОВСКИЙ

ФОТО: ИЗ АРХИВА АВТОРА

152: Август 2018

**ДОМ ОБЛИСПОЛКОМА, ДОМ С ЦЕНТРАЛЬНЫМ ГАСТРОНОМОМ,
ДОМ НА ПЛОЩАДИ - КАК БЫ ЕГО НИ НАЗЫВАЛИ, БЫЛ И
ОСТАЁТСЯ ГЛАВНЫМ ДОМОМ ЦЕНТРА ЧЕЛЯБИНСКА. ТАК
СЛОЖИЛОСЬ, ЧТО ЗДЕСЬ ЖИЛИ ЛЮДИ, СТАВШИЕ ИСТОРИЕЙ. НЕ
ТОЛЬКО ГОРОДА, НО СТРАНЫ И ДАЖЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. МЫ
ВСПОМНИМ НЕКОТОРЫХ ИЗ НИХ.**

Дом-образец

Как малыш держится за юбку матери, Челябинск в первые годы развивался и рос рядом с Миассом, старался не отходить далеко. Это был провинциальный городок без особых амбиций, в том числе и архитектурных. Но в 1930-е годы начинают строиться челябинские заводы-гиганты — Тракторный, Металлургический. В январе 1934 года Челябинск становится административным центром только что образованной Челябинской области. Ленинградские архитекторы приступают к разработке первого генерального плана Челябинска, он датирован 1934–1936 годами. Главной улицей города по проекту становится улица Спартака — нынешний проспект Ленина, вытянутый от входа в Центральный парк культуры и отдыха до насыпи Транссиба. И тогда же начинается строительство Дома облисполкома. Вокруг площади Революции предполагалось сконцентрировать административно-политический центр Челябинска.

Но красивые проекты ленинградского института ГИПРОГОР были осуществлены лишь частично. Помешала война.

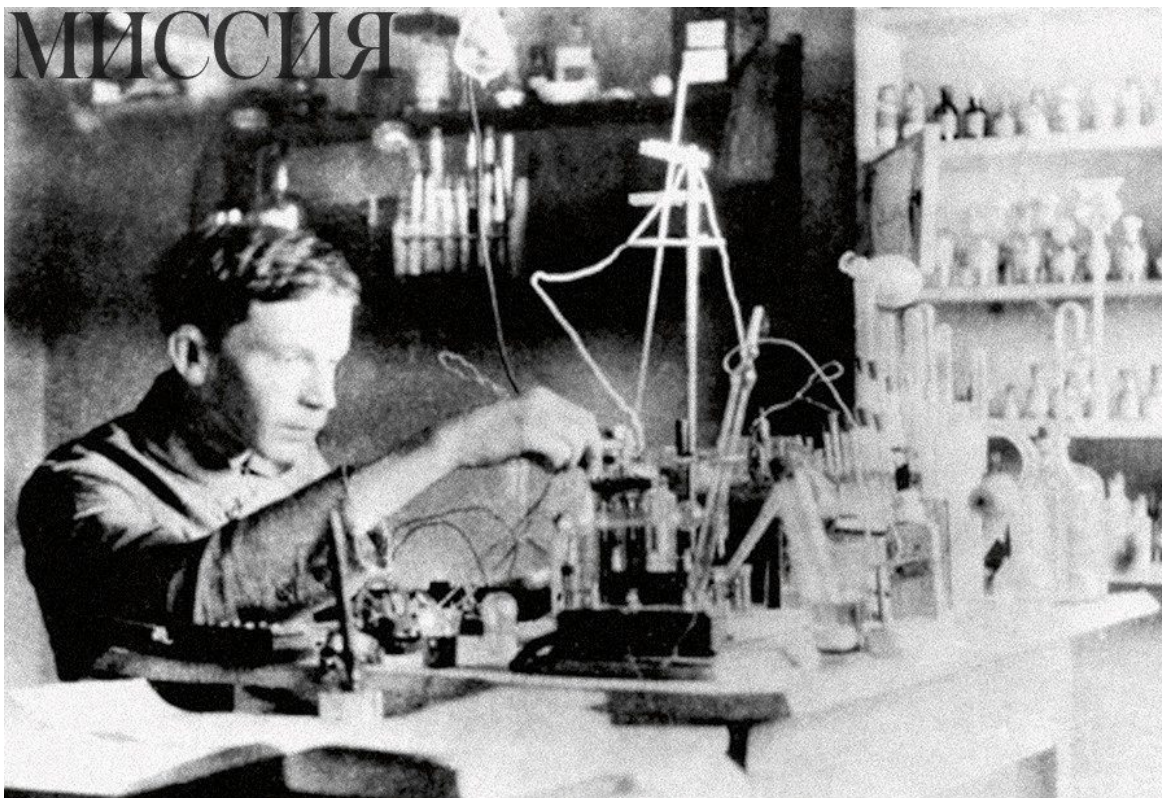
...Интересно рассматривать старые фотографии. Даже не сразу поймёшь, что за место на снимке. Вот одна из таких фотографий - первая черно-белая, на странице справа. Кажется, снимок сделан больше века назад, ещё до революции. Но вот в кадре идёт трамвай... Это нынешняя улица Цвиллинга, трамвай в кадре переезжает современную площадь Революции, а снимок датирован 1933-м годом... Эта пустынная широкая улица — нынешний проспект Ленина. Справа белый двухэтажный дом — сейчас на его месте гостиница «Южный Урал».

За трамваем несколько одноэтажных домов — видите? Вот на их месте и построят Дом на площади. Пройдёт всего несколько лет, он вырастет и станет доминантой центрального архитектурного ансамбля — первое семиэтажное здание Челябинска. Можно сказать, на этом закончится история провинциального захолустья — новорождённая административная единица Челябинск начнёт приобретать монументальный вид. Невразумительный малоэтажный район станет центром.

«В первые годы казавшийся гигантом, дом задал городу новую меру, поднял его сразу на две-три ступени выше. Челябинск заявил о намерении расти, предсказал своё будущее. Все, что будет построено после, должно было иметь в виду дом-образец», — писали авторы книги «Что посмотреть в Челябинске».

Удивительно: ещё живы люди, которые мальчиками и девочками ходили по центру города, как на этом снимке. В 1933 году родился мой отец, далеко от Урала, в Белоруссии: пройдёт много лет, и он с семьёй будет жить в том самом Доме на площади, которого ещё нет на этой старой фотографии...

В этом Доме жили люди, чьи имена вошли в национальную и мировую историю. Расскажем о некоторых из них.

Александр Чижевский

Александра Леонидовича Чижевского назовут Леонардо да Винчи XX века. Известный широкой общественности как автор «Люстры Чижевского», он был соратником Константина Циолковского и основал новую науку — космобиологию, объясняющую, как процессы в космосе и на Солнце способны повлиять на происходящее на Земле, и на животных и людей. Ещё в 1939 году первый Международный конгресс по биологической физике и биологической космологии в Нью-Йорке направил меморандум о научных трудах Чижевского в Нобелевский Комитет, но учёный под давлением советских властей был вынужден отказаться от выдвижения на премию.

В Челябинск Александр Леонидович приехал осенью 1941 года вместе с эвакуированным Малым театром, актрисой которого была его жена Татьяна Сергеевна Рощина. Супругам выделили две комнаты в огромной коммунальной квартире в доме № 36 по улице Цвиллинга. Чижевский поступил на работу в областную больницу и служил консультантом в лечении огнестрельных ран, ожогов, язв с применением ионотерапии.

21 января 1942 года Чижевский был арестован. Трудно в это поверить, но донос на учёного написал его коллега — врач, которого эвакуировали в Челябинск вместе с ним, и Александр Леонидович даже уступил ему одну из выделенных комнат в коммуналке. По слова этого врача, Чижевский на одной из остановок поезда по пути в Челябинск якобы махал белыми перчатками и подавал знаки немецким бомбардировщикам.

Александр Леонидович больше года проведёт в Челябинске — в тюрьме НКВД. В марте 1943 года Особым Совещанием при НКВД СССР он будет осуждён на восемь

лет исправительно-трудовых лагерей «за антисоветскую агитацию и контрреволюционную деятельность» с конфискацией библиотеки. В результате учёный попадёт в одну из «шарашек» — научно-исследовательских лабораторий в системе ГУЛАГа, в Карагандинском исправительно-трудовом лагере ему даже разрешили создать кабинет аэроионизации и изучать воздействие электричества на кровообращение.

В Челябинск Чижевский больше не вернётся.

Его жена Татьяна Сергеевна спасёт весь архив учёного — вывезет из Челябинска и сохранит пятнадцать ящиков рукописей. Во время войны это был без преувеличения подвиг.

Николай Тимофеев-Ресовский

Генетик, радиобиолог, один из основоположников молекулярной биологии, знакомый соотечественникам по роману Даниила Гранина «Зубр», Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский прибыл в Челябинск в начале 1947 года в качестве заключённого.

Он был осуждён Военной коллегией Верховного Суда СССР за то, что изменил Родине: в 1925 году нарком Семашко откомандировал ученого в Берлин, где Тимофеев-Ресовский работал руководителем отдела генетики и биофизики в Институте исследований мозга. Биолога обвинили в том, что он не вернулся в СССР, а продолжал научную деятельность за границей. Зубра осудили на десять лет лагерей, и он попал в тот же Карагандинский лагерь смерти, что и Александр Чижевский. Через полгода его, полуживого, умирающего от пеллагры (острый авитаминоз) этапировали в Москву, в

спецбольницу МВД, отмыли, накормили и направили «для дальнейшего отбытия наказания» в Челябинскую область — научным сотрудником на «Объект 0211». Так называли в государственных документах будущий Озёрск.

Тимофееву-Ресовскому было поручено заниматься исследованиями воздействия радиации на живые организмы. Его Лаборатория «Б» на берегу озера была абсолютно засекречена и отрезана от мира рядами колючей проволоки и глухим лесом. Но условия для работы были просто идеальными. Учёному дали выписать из Германии коллег по Институту мозга, к нему приехала жена, семье предоставили огромный деревянный дом на берегу озера. Он сохранился и сейчас.

В Лаборатории «Б» Тимофеев-Ресовский занимался вопросом дезактивации воды и почвы. Была выполнена уникальная в истории радиобиологии работа по изучению накопления и влияния радиоактивных изотопов, созданы основы биологической защиты и очистки от радиоактивных загрязнений. Через тридцать лет именно эти уникальные разработки Тимофеева-Ресовского были использованы для очистки грунта и воды в районе аварии Чернобыльской атомной станции. Исследователи отмечают, что без научного прорыва в Лаборатории «Б» не удалось бы наладить надёжную работу атомных электростанций и создать атомный ледокольный флот на Крайнем Севере. Именно здесь было положено начало ядерной медицине.

В 1953 году с Зубра сняли судимость, но Москва была для него закрыта, и он переехал в Свердловск, руководил отделом Института биофизики Уральского филиала АН Академии наук. В Челябинске — в том самом Доме на площади — он бывал в гостях у друзей, о чём свидетельствует мемориальная доска: «Здесь часто бывал у своих знакомых Зубр, учёный Н. В. Тимофеев-Ресовский». Рядом на стене находится мемориальная доска в память Александра Чижевского.

Григорий Зискин

Бывший директор Челябинского завода К-4, переименованного позже в «Завод оргстекла», был одним из создателей прозрачной брони — той самой, непробиваемой, спасшей жизнь многим лётчикам во время войны. Он был одарённым учёным, химиком, автором тридцати изобретений.

Григорий Зискин прилетел в Челябинск в декабре 1941 года из Ленинграда, где возглавлял Лабораторию органического синтеза Химико-технологического института имени Д. И. Менделеева. Ему и группе из тридцати специалистов секретного ленинградского завода К-4 было поручено наладить в Челябинске производство авиационной брони. Эвакуировались из Ленинграда в такой спешке, что даже не успели вывезти оборудование. У Зискина были только люди и помещения двух местных заводов: дрожжевого и безалкогольных напитков. С ленинградского К-4 в Челябинск прибыло шесть инженеров и пять рабочих. Все нужно было начинать с нуля и в максимально короткие сроки. Первыми рабочими на будущем заводе оргстекла были молодые девушки, работавшие на дрожжевом производстве.

В феврале 1942 года К-4 (будущий завод оргстекла) был готов к сдаче. Григорий Зискин был назначен главным инженером. И в 1942 году после сотен опытов и лабораторных испытаний завод уже начал выпускать прозрачное бронестекло для военных самолётов. Ничего подобного в немецкой авиации не было, и воспроизвести эту технологию в Германии не смогли. Пуля оставляла трещину, но стекло не ломалось, не крошилось. И лётчики оставались живы.

После войны Григорий Львович Зискин стал директором завода оргстекла. «У него была потрясающая память на людей, — вспоминала одна из ветеранов этого завода. — Он знал всех рабочих по имени-отчеству и за руку здоровался с каждым. Будучи лауреатом Сталинской премии, обедал вместе со всеми в заводской столовой, стоял в общей очереди с подносом. За столиком к нему обязательно подсаживались сотрудники с разными вопросами и проблемами, и он тут же что-то решал».

Григорий Львович не вернулся в Ленинград и последние годы жил в Доме на площади. Его дочь, в прошлом главный кардиолог Челябинской области, Эмилия Волкова вспоминала, что в их семье всегда царили мир и согласие. Профессию Волкова тоже выбрала благодаря отцу. Она с детства хотела изобрести лекарство, которое вылечило бы его от болезни сердца. Долгое время она его спасала: где бы ни находилась, всегда успевала к отцу, чтобы снять сердечный приступ.